

УДК 101.1, 101.2

К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Михайлов В.В.

Рассматривается проблема исторического и современного становления оригинальной русской философии как культурно-цивилизационного явления, даётся критика западной философии и философствования, отмечены бессознательно-мифологические истоки философии, намечен возможный вариант становления русской философии и исходящей из неё науки, выявляется скрытая философия русского бессознательного, мифов и сказок.

Ключевые слова: *русская и западная философия, становление философии из мифологии.*

Объект исследования: становление русской философии, возможность её становления сегодня.

Цель исследования: предложить путь формирования русской философии в современном мире.

Нужно ли каждому народу или человеку создавать собственную философию? Обыватель считает это делом праздным и излишним, но, не имея своей философии, он вынужденно пользуется чужой, наивно полагая, что посторонние доброхоты давно позаботились о его благополучии. Однако, пользуясь заёмной, чужой философией он проживает и чужую, заёмную жизнь (неизвестно какого качества), уподобляясь роботу, «идолу театра», выполняющему созданную для него программу. Конечно все «программисты» и их ученики, последователи и дистрибьютеры расхваливают свой товар, мол, каждый из них «есть жизнь, истина, путь» или вершина самосознания мирового духа... Только так ли это?

Поэтому, каждый народ, а в идеале и каждый человек ради проживания собственной, а не чужой жизни должен созидать свою философию. Есть ли русская философия, как философия русского народа? Западные авторы дружно отрицают её наличие, в евроцентристской иллюзии полагая полноценной философией только свою версию философии, а всех других считают своими недоразвитыми учениками-конкурентами – таков западный научно-философский миф. Этому способствует и ложная концептуальная модель исторического процесса в Евразии, видящая её центр как пустое пространство, «чёрную дыру» (З. Бжезинский), якобы получающую все культурные импульсы от береговых зон и не несущую в себе никакой исторической и геополитической миссии (позиция геополитика Н. Спикмена). Хотя были и противоположные позиции геополитика Х. Макиндера или

историка и этнолога Л.Н. Гумилёва, авторы школьных и вузовских учебников по прежнему «видят» цивилизации древности лишь на окраинах Евразии.

Российские историки русской философии придерживаются обратного мнения, что она, безусловно, есть. А.Г. Дугин в своей новой книге выдвигает третью позицию: «если русская философия как таковая есть, то она существенно повреждена исторически и требует реанимации» [6, с.4]. «Русская философия (или её симулякр) возникла как реакция на европейскую философию: от нее она отталкивалась, с ней соотносилась, в ней искала источники вдохновения, с ней спорила, ей подражала, её опровергала и развивала» [6, с.4], - считает А.Г. Дугин. В целом, Дугин полагает, что, скорее всего, как некое целостного культурно-цивилизационного явления, подобного философиям европейской, индийской, китайской или исламской цивилизаций её нет, по крайней мере, пока она ещё не сложилась (что, однако, не есть признак неполноценности данной цивилизации и народа), а те, кого называют «русскими философами», являются «философами без философии», создавшими лишь наброски и отдельные фрагменты будущей русской философии [6]. Хотя, по мнению А.Г. Дугина, «русская мысль начинается задолго до первого упоминания о славянских племенах. Если человек живёт, то он мыслит. Этнос, язык и культура определяют это мышление. Оно, в свою очередь, обогащает их... Следы этой этнической философии сохранились в волшебных сказках и легендах, в остатках материальной культуры и в самом языке. Расшифровать и воссоздать эту мысль не просто, так как письменных источников не осталось, но самое главное – твёрдо помнить, что она была...» [7, с.641]. Далее русская философская мысль живёт в православном богословии, летописях, хронографах, толковых Палеях, житийной литературе; святые философствуют чудесами, иконопись проявляется как «умозрение в красках» (Е. Трубецкой), Иван Грозный (как позже В.И. Ленин и И.В. Сталин) философствуют не только словом, но и властью, государственным строительством.

О давних и глубоких корнях русской философии свидетельствует многое: это и фигура скифского досократика Анахарсиса, и упоминание славянского бога Перуна Гераклитом [17–т.1, с.96], и античная мифология, помнящая гиперборейских богов, и сенсационные материалы А.С. Иванченко [8] и историко-мировоззренческие реконструкции Б.И. Бессонова [2], прослеживающего историю «русской идеи» с античности до наших дней. Не стоит пугаться «ненаучной формы» многих подобных источников или каких-то ошибок, присутствующих у исследующих эту проблематику авторов. Человеку свойственно ошибаться и заблуждаться, учёные тоже ошибаются и научная форма изложения материала вовсе не гарант его истинности, как и отдельные ошибки кого-то не доказательство ложности всех его идей.

Автору кажется продуктивной позиция А.Г. Дугина об отсутствии русской философии, несмотря на её спорность, так как она стимулирует нас на создание современных и собственных версий русской философии, а не только на историко-археологическое обнаружение и сохранение наследия прошлого, чем заняты историки русской философии. В конце концов, мы живём сегодня и проживаем

свою жизнь, которую не могут прожить за нас пусть и великие предки, создавшие свои философии.

Почему западная философия не пригодна в качестве основы для русской философии (и более того, для философии свободного человека)? - У нас как-то не обращают внимание на некоторые её особенности. Например, что становление античной философии как-то подозрительно совпало со становлением рабовладельческого общества – а дальше - «развёрнутый комментарий к Платону», «атомная бомба, взорвавшаяся в учении Парменида»: то есть развитие по заложенной в *античности программе*. Осторожный М. Хайдеггер назвал всю западную философию «неаутентичным экзистированием», «прогрессирующим забвением бытия» [6]. На наш взгляд, с социально-философской точки зрения неизбывный дефект и порок западной философии заключается в её рабовладельческой природе. Да, именно так, в общем и целом, от морализма 7 мудрецов в начале, до постмодерна в конце. На протяжении всей своей истории мыслями многих мыслителей она напряжённо думает о методологии и технологии порабощения человека (а заодно и всего мира: природы, например). Для порабощения человека античным рабовладельцам нужно было решить несколько задач: 1. отделить человека от природы, 2. оторвать его от дорабовладельческой этнической культуры и религии, 3. отрезать его от метафизических корней (бритва Оккама), подсознания (психоанализ Фрейда), 4. загнать мышление (логика Аристотеля) и поведение (этические системы) в рамки определённых схем, 5. вообще отучить самостоятельно думать (поэтому у западников есть логика, философия и наука), но нет науки думать). Начиналось всё вроде красиво: древнегреческие мудрецы стали сочинять моральные регламенты: «не грозись – это дело бабье», «не махай руками – это знак безумия» и т.д. и т.п. Вроде всё правильно. Только вот руководствовались ли боги и герои дофилософских мифов подобными нелепыми и придуманными посторонними людьми правилами? Ответ очевиден – нет. Они руководствовались своими желаниями (осуждёнными моралистами как иррациональные страсти), роком, влияниями богов, а не превращались в морально-рациональные автоматы. Для отрыва человека от этно-общинного сознания и культуры, выраженного в форме мифологии, последняя начала третироваться и разоблачаться, как примитивные выдумки и детские сказки. Реабилитаторов мифологии (например, Шеллинга) слушать не хотели.

А развитие рабовладельческой философии шло своим чередом. Досократики искали первоосновы. А зачем? Затем, чтобы познав и захватив первооснову построить на этом фундаменте свою власть. «Когда ученик Пифагора Гиппас Метапонтский... засветил тайну иррационального числа... то Пифагор воззвал к богам покарать преступника, и те, устроив бурю, утопили корабль с Гиппасом» [17-т.1, с.58]. Такая вот кара за иррационализм (ругательство для многих западных философов и учёных) и потрясение первооснов. Софисты учили красиво и логично обманывать, добрый моралист Сократ решал задачу отрыва мышления от дорабовладельческой традиции и природы, его замыкания на более узких социальных проблемах. Сам ход мышления Сократа был на наш взгляд ложным: надо мыслить самостоятельно, но не в отрыве, а с опорой на традицию. Афиняне

сначала осудили Сократа, но потом одумались: прогрессор рабовладельческой демократии всё же. Ученик Сократа «божественный Платон» увенчал свои труды достойно – развёрнутой рабовладельческой утопией «Законы». И это не aberrация, не помутнение сознания и не старческий маразм, как неубедительно пытался нас уверить в своей известной статье «Жизненная драма Платона» [17, с.161] философ-археомодернист¹, большой путаник и эклектик В.С. Соловьёв, а закономерный ход античной рабовладельческой мысли. Никакой интеллектуальной деградации Платона в «Законах» не заметно, напротив, это его самый фундаментальный труд, к которому всё предыдущее было лишь пролегоменами. Дальше был Аристотель, который сказал, что хотя Платон ему и друг (по рабовладельческому классу и мышлению), но надо не сочинять рабовладельческие утопии, а заниматься реальной политикой, изучая наличный социальный и физический мир, а то фантазии могут не туда завести, в какой-нибудь коммунизм, например. Кто у нас задумывался, почему социально-политические закономерности открытые Аристотелем и Платоном действуют и в современном обществе? Потому что их открыли гении? Да нет, действуют они потому, что общество в своих основах не изменилось, так и оставшись модифицированной крипторабовладельческой демократией.

А дальше много чего было. Был, например, раб-философ Эпиктет, учивший смиряться с судьбой, Диоген Синопский, которого рабовладелец *купил* в качестве *учителя для своих детей*. «Да кто же купит раба, который корчит из себя господина? Как раз такого-то купят всех быстрее, - ответил Диоген» [17-т.1, с.227]. Потом было христианство с его «рабами божьими», подставлением другой щеки, божественностью всякой власти и т.п. Вот смертные грехи христианства: гордыня, сладострастие, алчность, гнев, зависть, чревоугодие, лень. Может ли быть хорошим рабом тот, у кого они есть? Ответ очевиден. Зато «безгрешный» – раб идеальный.

Само понятие греха есть идиосинкрязия западной «репрессивной духовности». Суть репрессивной духовности заключается в соединении духовности с психологическим, ментальным и событийно-действенным негативом. Например, в христианстве путь духовного развития почему-то сопряжён со страданиями, экстремальными, мазохистскими формами аскетизма, смирением, граничащим с прямым потворством злу, понятиями греха, покорности любой власти, нетерпимостью к инакомыслию и т.п. Напротив, во многих восточных учениях (даосизм, индуизм), такого нет, по крайней мере, в таких радикальных формах. Индуизм, например, не связывает духовность с джихадом, как обязанностью войны с иноверцами, в даосизме нет понятия греха. И не удивительно: даосы ведь не знали рабства.

---

¹ Археомодерн (термин А.Г. Дугина - См. [4, 5, 6], обозначающий социокультурную ситуацию негативного синтеза малосовместимых западных модернистских и местных архаических начал в сознании, культуре и социальной жизни общества, порождающую его внутреннюю дисгармонию, алогизм и конфликтность, ввергающую общество и его членов в состояние близкое к психопатологии. Не путать с термином «археоавангард» Ф. Гиренка, обозначающим обратную ситуацию позитивного синтеза древних и современных начал и идей. Архаичное здесь видится не как устаревшее, а как авангардное [3].

Дальше было возрождение рабовладельческой философии и культуры. «Тому, кто с сожалением вздыхает об утраченной античной культуре, недурно знать, как, чем и на чем создавались эти «замечательные произведения мировой культуры»: картины, книги, скульптуры... как можно наслаждаться книгами и картинами, написанными на коже младенцев, красками и чернилами, содержащими человеческую плоть и кровь?» [2, с.21]. Поэтому эти шедевры и уничтожались «варварами», как потом уничтожались абажуры и перчатки из человеческой кожи, сделанные нацистами.

В Новое время под новыми «вывесками» и именами возрождались идеи античных материалистов-атомистов (рабовладелец Демокрит, Левкипп, Тит Лукреций Кар и др.), стоиков, скептиков, эпикурейцев. Человек стал видаться как машина и растение (де Ламетри), то есть идеальный биоробот и объект для выращивания, потребления и переработки. Сообщество новых рабовладельцев возрождалось по вывеской «гражданского общества». Впереди колониальных порабощителей, пиратов и бандитов шли «святые отцы» с «опиумом для народа». Народы не желавшие принимать христианский опиум, попросту уничтожались, как американские индейцы, что прикрывалось философиями расизма (А. де Гобино), мальтузианства, социал-дарвинизма.

Ф. Ницше, создававший элитарно-рабовладельческую философию для «белокурой бестии» недаром обзывал И. Канта «кенигсбергским пауком». И. Кант, превративший себя в идеальный рациональный биоавтомат, всю жизнь напряжённо размышлял о том, как ограничить человеческий разум, построить сообщество дьяволов обладающих рассудком, которые ограничивали бы друг друга, сочинял рабскую мораль, трактаты о «вечном мире». «Всеобщего мира можно было бы достичь, только исключив все особенности. Но любая власть связана с типом людей, которые её осуществляют. Понятие абсолютной власти предполагает исчезновение всех природных и исторических различий между людьми, то есть исключение национальных индивидуальностей. Мы против мечты о вечном мире не потому что мы против мира, а потому что это одновременно мечта об абсолютной власти... Власть, которая потеряла всякую индивидуальность, - больше не человеческая, историческая власть» [18, с.169]. Понятно теперь, что за паутину плёл «кенигсбергский гений и моралист»? - К сожалению, у нас вообще мало кто действительно читает, а уж тем более понимает разные философские труды. Дальше был Гегель с его апологией прусского государства «как высшего выражения мирового духа» и т.д. вплоть до псевдоосвободительных упражнений постмодернистов (Ж. Делёз, Ф. Гваттари, А. Негри, М. Хардт) стремящихся превратить людей в сингулярные множества, ризоматические клубни, тела без органов, машины желаний (неизбывный механицизм мысли) и прочие бесплатные приложения к плоским компьютерным экранам [См. подр. 4, 7]. По моим наблюдениям, постмодернистские тексты вызывают у студентов реакцию здорового инстинктивного отторжения.

Рабовладельческий, эксплуататорский потенциал таких философий как фашизм, социал-дарвинизм, мальтузианство, радикальный либерализм достаточно очевиден. Менее очевиден он в некоторых «критических» направлениях западной мысли.

Например, марксизм вроде бы призывает освободить человека, но при этом ограничивает его сознание бытием, борется с идеализмом, всеми (!) религиями, провозглашает сциентистский культ науки с её ограниченно механическим мышлением, соответственно принижая и третируя остальные виды знания, навязывает мировоззренческий экономоцентризм и евроцентризм... А в результате: коммунизм – это идеал, но всех идеалистов – в ГУЛАГ, прежде чем философствовать, надо поест и в итоге колбасно-водочный мешанский псевдосоциализм, рухнувший, как только у власти оказались люди, родившиеся после 1917 года и с детства впитавшие буржуазно-материалистический дух марксизма. Неслучайно американский политолог и конспиролог Э. Саттон назвал Маркса лучшим другом мультимиллиардеров. Фактически марксизм оказался троянским конём глобализации западной буржуазной культуры и приведения к капитализму цивилизаций с иными социальными укладами (Россия, Китай).

Поэтому для философа, в отличие от схоласта-философоведа западная философская мысль должна быть не объектом школярско-религиозного по сути почитания, поклонения, некритического изучения и получения самоудовлетворения от чувства собственной мудрости, значимости и её потребления, а деталями конструктора, «кирпичами» для создания собственной философии и мировоззрения. История западной философии не столько лучшая школа теоретической мысли (Ф. Энгельс), сколько пример неверных ходов и экстремистских выводов этой мысли, к которой уместнее подходить с позиции врача, а не её жреца.

На каких же основах можно построить современную русскую философию?

Автор полагает, что такой основой могут стать открытия и разработки социологии воображения французского социолога, последователя К.Г. Юнга Жильбера Дюрана [См. подр. 4, 5, 6]. Ж. Дюран сделал революционное предложение: рассматривать не миф (мифос) с точки зрения рационального научного сознания (логики и логоса), а напротив, изучать логос (рациональное мышление) с точки зрения мифа, как его корня и первоосновы. Ключевым понятием Ж. Дюрана является Имажинер – «мир воображения», включающий в себя воображение, воображаемое, воображающего человека, процесс воображения и то общее, что их всех объединяет. Воображение для Дюрана, в отличие от логоцентриков (Р. Декарт, И. Кант, Ж.-П. Сартр), доминировавших в европейской философии, является базовой категорией, из которой произрастают все прочие феномены духовной жизни. Смысл воображения – противодействие небытию, смерти, различными способами, а «человек необходим, чтобы социальное сознание и коллективное бессознательное смогли через него осуществиться, проявиться...» [4, с.87]. Мир нашего сознания и подсознания – это «антропологический траект», промежуточное, находящееся между субъектом и объектом. По Ж. Дюрану «мифос есть структурированная совокупность архетипов и символов, отражающая глубинные свойства воображения, присущие ему изначально. Поэтому мифос нельзя рассматривать как нечто историческое. Сама история есть издание мифоса. Точно так же неверно изучать мифос с помощью логоса (керигмы). Правильнее, наоборот, постигать логос и его структуры, отталкиваясь от мифоса. Мифос не статичен, но динамичен, так как при всей повторяемости основных линий он

постоянно облекается в новые детали» [4, с.89]. Миф есть содержание имажинера, из которого впоследствии возникают философия и наука, как выхолощенные и упрощённые проявления определённых форм мифа. Миф, по Дюрану, имеет два режима дневной (диурн) и ночной (ноктюрн) и включает три группы мифов: героические (мифы диурна), драматические и мистические (мифы ноктюрна).

Так вот, европейская философия, наука и культура с её необоснованной претензией на универсальность, является в модели Ж. Дюрана всего лишь выражением героического мифа диурна. Для диурна характерны архетипы разделения, раскола, героической борьбы, сражения, дисбаланса, дуализма (узнаём диалектику, логику, конфликтологию и прочие модели европейского мышления?), вставания, вечной битвы со временем и смертью, света, полёта, меча, стрелы, птицы, гигантомании, очищения, зоофобии (вот она, фаустовская борьба с природой), аскезы, женоненавистничества, мускулиноидности (патриархальности) и паранойи, как болезни власти. Несложно соотнести всё это с мейнстримом европейской философии и науки.

А вот Россия по преобладающему духу своей культуры – цивилизация по преимуществу женская. Поэтому и русская философия должна строиться не на основе диурна, а на основе ноктюрна. «Тема женского начала становится эксплицитно в центр нашей культуры вместе с появлением русской религиозной философии. Первым русским философом часто называют Владимира Соловьёва, но он-то и поставил женское начало в центр своей философии» [5, с.449]. «Русский имажинер в своем наиболее привычном состоянии работает в режиме эвфемизма. Не надо осуществлять сложного исследования, чтобы убедиться: *русское общество – общество ноктюрна по преимуществу*» [5, с.469]. «В русском имажинэре существует избыток ноктюрна и дефицит диурна, что объясняет устойчивое наличие в России нерусского диурна, социологически выраженного в аллогенной элите...» [5, с.472].

Поэтому русская философия (как и философия граждан России) оптимально должна базироваться не на режиме воображения диурна, а на мифе ноктюрна, причём не пассивно мистического, а драматического.

В режиме драматического ноктюрна негатив (смерть и время) включаются в систему диалектической взаимосвязи с позитивом, а не конфликта и разделения (вспомним неслучайное принятие марксистской диалектики в СССР). Драматический ноктюрн построен на смене света и тьмы, добра и зла. Зло здесь ведёт к добру, а добро – к злу. Поэтому русская философия должна стать философией ритма, философией танца. Место Бога и Дьявола в ней должен занять единый дьяволобог или богодьявол. (Диурнический раскол этих категорий возник только после принудительного навязывания аллогенной элитой христианства). Драматический ноктюрн синтетичен, поэтому основой русской гносеологии, эпистемологии и науки должен стать синтез, а не анализ, как на Западе. Русская философия может и должна предложить новую, синтетическую модель знания, включающую в себя науку, философию, эзотерику, религию, мифологию, искусство и обыденное знание. Науку логики вполне может заменить синтетическая «наука думать» созидаемая не для «академического интереса» и соответствия каким-то

механическим мыслительным схемам и «научным парадигмам», «научно-исследовательским программам», философиям, религиям и прочим догматическим «идолам театра», а просто для комфортной жизни² [См. подр. 19].

Для драматического ноктюрна, по Ж. Дюрану, характерно отсутствие гендеро- и сексофобий, присущих диурну и мистическому ноктюрну, позитивное отношение к эротике. В диурнических и мистически-ноктюрнических культурах (преобладающих в современном обществе) это не принято (поэтому в СМИ считается «приличным» демонстрировать бесконечные убийства, разрушение, насилие, но эротика кажется неприличной). Иное отношение к эротике можно найти в малоизвестных широкой публике философиях тантризма, даосизма и ряда эзотерических учений.

В этом режиме воображения главной является не фигура воина и героя, а фигура танцора, художника, артизана. Этой фигуре соответствует популярный образ Иванушки-дурачка из русских сказок, прагматически непонятого, непонятого и странного мечтателя, мистика и визионера, одерживающего, однако победу над более прагматичными конкурентами. Танец выражает стихию ритма и связывает противоположности: мужчину и женщину, добро и зло, прошлое и будущее и т.п. (хороводы, например).

Смерть и воскресение (проявленные в Христианстве) тоже атрибут этого режима воображения, как и «живая» и «мёртвая» вода. Мессианские и эсхатологические сюжеты религий связаны с этим архетипом.

Мыслеобразы драматического ноктюрна – это крест, круг, спираль, колесо, лабиринт, деревья и растения, все виды циклов – природных, социальных, космических, все виды искусства и их атрибуты: музыкальные инструменты, краски, кисти, театральные декорации, маски и т.п., любые эротические символы и образы, предметы добывания огня, некоторые животные: медведь, баран, кролик, улитка, колесницы, автомобили и прочие средства передвижения, всё двойственное, раздваивающееся и дуальное (диалектика, например), путешествия, поездки и любое движение вообще, брачный символизм. К мыслеобразам драматического ноктюрна относятся и мифы прогресса и просвещения масс (миф о Прометее), падение популярности которых свидетельствует о сползании общества в режим мистического ноктюрна (Россия) или диурна. Женщина (как и мужчина) выступает здесь не в роли матери, как в мистическом ноктюрне, а в роли возлюбленной, невесты или жены.

Оригинальную русскую философию можно выстраивать на основе анализа и синтеза русских народных сказок [1, 11, 12, 14, 15]. Как, например сказочный герой (Иван-Дурак) относится к жизни? Оказывается, он ей *доверяет*, а не исходит из априорных и внушённых установок, что может быть, а чего быть не может, он охотно выполняет «странные» просьбы, соглашается решать рационально

---

² Кстати, А.А. Шевцов обращает внимание на многочисленные неверные переводы идей западных философов и учёных. Например, знаменитая «вещь в себе» И. Канта – всего лишь выдумка плохого переводчика. Никаких «вещей в себе» у И. Канта нет, есть «вещи сами по себе», «как они есть», которые как раз и непознаваемы нами.

неразрешимые задачи (пойди туда, не знаю куда...), не брезгует магией, волшебством, общением с животными и магическими существами (Конёк-горбунок) и ... достигает успеха! Так, сказка «Конёк-Горбунок» показывает алгоритм социального восхождения героя от нищего и презираемого всеми крестьянского дурачка до царя.

Философия образования в сказках также оказывается своеобразной. Герой получает знания и опыт в поединках, меряясь силами, а не слушает лекции Бабы-Яги и Соловья Разбойника (как учат поступать нас, изучая труды и жизнь разных, зачастую сомнительных гениев). В поединке нет учителя и ученика, они постоянно меняются местами, уча друг друга «правильной жизни». Человек в сказке – не «чистый лист», а обладатель богатых врождённых способностей, которые он применяет для жизни и достижения своих целей, а не для накопления опыта, знаний, умений и навыков и разных «компетенций». Обучение в сказках есть, но идёт оно через поединок, игру, спор, диалог, а не слушание учителя. При этом врождённые и самовозникшие способности гораздо важнее опыта: например Илья Муромец побеждает Соловья Разбойника не из-за большого опыта борьбы с подобными существами. Герой не копирует (как учат нас копировать опыт Запада, Китая и т.п.) поведение противника, а реализует свою стратегию. Герой обучается в путешествиях, в дороге от случайных встречных и попутчиков, а судьбу меняет через партнёрство, победы над врагами и брак. Таковы некоторые аспекты философии жизни и образования, которые можно почерпнуть из сказок. Они достаточно основательны и серьёзны, это отнюдь не пустые байки для неразумных детей. К сожалению, многие и сегодня так и не могут духовно и интеллектуально подняться до понимания мифологии в духе Шеллинга как первой и *последней* формы самосознания человека и человечества или в духе А.Ф. Лосева и М. Элиаде [20] как подлинного, реального и даже более того образцового и сакрального события. Подобные низкоквалифицированные и невежественные «горе-учёные», управляемые устаревшими и опровергнутыми позитивистскими догмами XIX века, пытаются не допустить подобные крамольные идеи в ВАКовские журналы и прочую «высоконаучную» периодику.

Оригинальная русская философия должна послужить и послужит становлению оригинальной российской, русской науки, попытки создания которой заметны у славянофилов, евразийцев, космистов, в частности, П. Флоренского. «Последние века в биосфере лидирует европейский, западный тип науки, который кажется мировым, неограниченно универсальным. В действительности западная культурацивилизация обеспечивает один из эволюционных путей человечества, один из нескольких. А именно путь самоутверждения человека в природе, особенно в физическом мире. Новоевропейская наука, естественная и гуманитарная, несмотря на впечатляющие достижения, соскальзывает в тупик. Что это за тупик? Это конфликт с биосферой Земли, это признаки вырождения человеческой природы, это раскол человечества на привилегированное ядро и безнадежно отстающее большинство. Другие научные культуры, развившиеся в прошлом, как бы застыли» [13(2011), с.112], справедливо отмечает Д.П. Подкосов. Но застыли они совершенно напрасно и, к сожалению, под ограничительно-завораживающим, мертвяще-

гипнотическим влиянием западной культуры. *Не модернизация, а индивидуация К.Г. Юнга является истинной задачей всех незападных народов.* Сняв с себя принудительно навязанные в последние столетия нормы западной культуры эпохи Модерна, народы Земли воссоздадут все недостающие звенья мировой культуры и науки в том числе.

Конечно, в небольшой статье невозможно исчерпывающе изложить и тем более решить проблему становления русской философии. Для этого требуется значительно более обширный коллективный труд многих авторов, в который автор вносит свой незначительный вклад.

Вывод: Русская философия должна создаваться на основе рационализации символов, архетипов и сюжетов русского народного коллективного бессознательного в режиме драматического ноктюрна (Ж. Дюран).

Список литературы

1. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Полное издание в одном томе / А.Н. Афанасьев. – М.: Альфа-книга, 2010. – 1087 с.
2. Бессонов Б.И. История / Бессонов Б.И. – М. : ВОГ-Свекрасаф, 2011. – 400 с.
3. Гиренок Ф. Удовольствие мыслить иначе / Ф. Гиренок. – М. : Академический проект, 2008. – 235 с.
4. Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию / А.Г. Дугин. – М. : Академический проект, 2010. – 564 с.
5. Дугин А.Г. Социология русского общества / А.Г. Дугин. – М. : Академический проект, 2011. – 583 с.
6. Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии / А.Г. Дугин. – М. : Академический проект, 2011. – 500 с.
7. Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России / А.Г. Дугин. – М. : Евразийское движение, 2007. – 784 с.
8. Иванченко А.С. Путиями Великого Россиянина / А.С. Иванченко. – СПб. : О.М. Гусев, 2006. – 337 с.
9. Михайлов В.В. К вопросу о методологии изучения эзотерики / В.В. Михайлов // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. Сб. материалов Третьей международной научной конференции / Под ред. С.В. Пахомова. – СПб. : РХГА, 2010. - С. 58-68.
10. Михайлов В.В. Взаимодействие научного и ненаучного социально-гуманитарного знания / В.В. Михайлов // Горизонты цивилизации: сб. статей участников Международной научной конференции (Аркаим, 26-28 мая 2010 г.). – Челябинск : Энциклопедия, 2010. – 260 с. - С.140-157.
11. Орлов И.Л. Путь Одиссея / И.Л. Орлов. – М. : ООО «ИПЦ «Маска», 2009. – 614 с.
12. Панюшкин В. Код Горыныча: что можно узнать о русском народе из сказок / В. Панюшкин. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2009. – 144 с.

13. Подкосов Д.П. Об исторических типах науки / Д.П. Подкосов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Философские науки». – 2010. - №1(2) – С.89-101; 2011. - №1(3) – С.112-123.
14. Седакова Л.И. Тайны сказок Пушкина / Л.И. Седакова. – Люберцы : «ИМ-Информ», 1998. – 338 с.
15. Седакова Л.И. Виртуальные миры русских сказок / Седакова Л.И. – М. : Линор, 2007. – 180 с.
16. Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика / В.С. Соловьёв. – М. : Искусство, 1991. – 701 с.
17. Таранов П.С. 150 мудрецов и философов / П.С.Таранов. В 2-х т. – Симферополь : Нарус-М, 2000. – 1414 с.
18. Философия вождизма. Хрестоматия по вождеведению / [под ред. В.Б. Авдеева]. – М. : Белые альвы, 2006. – 608 с.
19. Шевцов А.А. Введение в Науку думать / А.А. Шевцов. – СПб. : Тропа Троянова, 2008. – 488 с.
20. Элиаде М. Аспекты мифа / М. Элиаде. – М. : Академический проект, 2005. – 224 с.

Міхайлов В. В. До проблеми становлення російської філософії // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2012. – Т. 24 (65). – № 1-2. – С. 83–93.

Розглядається проблема історичного і сучасного становлення оригінальної російської філософії як культурно-цивілізаційного явища, дається критика західній філософії і філософствування, відзначені несвідомо-міфологічні витoki філософії, намічений можливий варіант становлення російської філософії та вихідної з неї науки, виявляється прихована філософія російської несвідомого, міфів і казок.

Ключові слова: російська і західна філософія, становлення філософії з міфології.

Mihajlov V. V. To the problem of formation of Russian philosophy // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2012. – Vol. 24 (65). – № 1-2. – P. 83–93.

The problem of the historical and contemporary development of the original Russian philosophy as a cultural and civilizational phenomenon, given criticism of western philosophy and philosophy, noted unconsciously-mythological origins of philosophy, is scheduled a possible version of development of Russian philosophy and outgoing of her science, latent the philosophy of Russian unconscious, myths and fairy tales.

Keywords: Russian and western philosophy, the philosophy of mythology.

Статья поступила в редакцию 10.09.2011.